

Н.Б.ЯРГОМСКАЯ, А.В.ЛИХТЕНШТЕЙН

**ЗАКОН ДЮВЕРЖЕ И СИСТЕМА ОТНОСИТЕЛЬНОГО
БОЛЬШИНСТВА
НА ДУМСКИХ ВЫБОРАХ**

Введение¹

Большинство исследователей приписывают избирательной системе ключевую роль в определении формата партийной системы, главной характеристикой которого является число политических партий. Это подтверждают многочисленные работы, посвященные анализу выборов в стабильных демократиях². Однако опыт применения различного дизайна избирательных систем в новых демократиях выявил ограничения существующих объяснительных концепций, их чрезмерный нормативный уклон и слабые возможности прогнозирования последствий введения той или иной избирательной формулы для развития партийной системы. Российский случай оказался в этой связи одним из ярких примеров того, как эмпирические данные могут противоречить «классическим» моделям объяснения эффектов избирательных систем.

¹ Авторы статьи выражают благодарность Г.Голосову за ценные замечания, высказанные в ходе работы над статьей.

² Taagepera R., Shugart M.S. Seats and votes: the effects and determinants of electoral systems. — New Haven, 1989; Lijphart A. Electoral systems and party systems: a study of twenty-seven democracies, 1945–1990. — Oxford, 1994; Farrell D. Comparing electoral systems. — Prentice Hall, 1997; Nohlen D. Wahlrecht und parteiensystem. — Opladen, 2000.

Выборы в Государственную Думу в России трижды проводились по смешанной избирательной системе, которая была принята в 1993 г. Как отмечает ряд исследователей, эффекты новой электоральной формулы оказались далеки от теоретических ожиданий. Система пропорционального представительства, которую Сартори причислял к системам со слабыми ограничивающими эффектами¹, в соответствии с общепринятым мнением должна была способствовать повышению партийной фрагментации. На думских выборах, однако, она показала крайне диспропорциональные результаты и привела к снижению числа партий. В то же время применение системы относительного большинства, которая традиционно считается воспроизводящей сильные ограничивающие эффекты (иначе говоря, способствующей снижению партийной фрагментации), не привело ни к складыванию биполярного формата партийного соревнования, ни к значимому сокращению партийной фрагментации. Этого не произошло как на общенациональном уровне, так и на уровне одномандатных округов. Подобное «опровержение» теории объясняет растущий интерес исследователей к изучению российской смешанной избирательной системы. Оно требует выработки комплексного подхода к анализу институциональных эффектов избирательной модели, а также учета взаимовлияния обеих ее частей на структуру партийной конкуренции.

В данной статье мы попытаемся выяснить причины высокого уровня фрагментации в одномандатных округах, исходя из особенностей стратегического поведения избирателей. Для достижения этой цели мы сначала проанализируем, как современная теория рассматривает процесс формирования биполярной структуры электорального соревнования на уровне округов и на уровне страны в целом, при каких условиях появление двухпартийности оказывается возможным, и какие факторы препятствуют этому. А затем мы обратимся к особенностям российских выборов и исследуем те факторы, которые позволяют объяснить фрагментацию на уровне одномандатных округов.

¹ Sartori G. Comparative constitutional engineering: an inquiry into structures, incentives and outcomes. — L., 1994.

Опыт применения смешанной избирательной системы в России

На парламентских выборах 1995 г. чрезмерная партийная фрагментация и высокий заградительный барьер пропорциональной части избирательной системы стали причиной того, что распределение депутатских мандатов в парламенте не совпало с распределением голосов избирателей. Партии, получившие наибольший процент на выборах, оказались в более выгодном положении в Думе, так как доля парламентских мандатов, которую они получили, значительно превысила долю полученных ими голосов избирателей. Напротив, малые партии, не преодолевшие заградительного барьера, оказались лишенными парламентского представительства, несмотря на то, что за них в целом проголосовал достаточно большой процент избирателей. Такая «диспропорциональность» электоральной формулы обусловила сильные стимулы к снижению фрагментации на следующих выборах. Результатом этого стало как сокращение количества выдвинутых списков, так и снижение доли голосов, отданных за партии, не имеющие шансов преодолеть пятипроцентный барьер (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика партийной фрагментации по пропорциональной части избирательной системы (данные 1995 и 1999 гг.)

	1995	1999
Количество выдвинутых партийных списков	43	26
Количество партий, преодолевших 5%-ный барьер	4	6
Эффективное число партий*	13,8	6,8
Доля голосов, отданных за партии, не преодолевшие 5%-ный барьер	44,47	13,38

* Эффективное число партий (ЭЧП) рассчитывается по формуле $ЭЧП = 1/\sum(p_i^2)$, где p_i — доля голосов, поданных за каждую партию (в процентах). См.: Laasko M., Taagepera R. «Effective» number of parties: a measure with application to Western Europe // Comparative polit. studies. — Beverly Hills, 1979. — Vol. 12, N 1. — P. 3–27.

Сдерживающий эффект формулы относительного большинства оказался менее сильным. Фрагментация в этой части избирательной системы на выборах в 1999 г. хотя и снизилась по сравнению с предыдущими выборами (см. табл. 2), но вместе с тем превысила средний показатель фрагментации партийных списков по пропорциональной части на уровне отдельных одномандатных округов.

Таблица 2

***Динамика фрагментации в одномандатных округах
(данные 1995 и 1999 гг.)***

	1995	1999
Среднее число выдвинутых кандидатов в одномандатных округах	12,11	9,89
Среднее эффективное число кандидатов в одномандатных округах*	7,59	5,92
Среднее эффективное число партий в каждом одномандатном округе	8,8	5,41
Средний процент голосов, поданных за победителя в одномандатном округе	28,74	33,57

*Рассчитано для каждого округа по той же формуле, что и эффективное число партий.

В одномандатных округах независимые кандидаты на выборах 1999 г., как и в 1995 г., остались весьма важными участниками электорального процесса, причем порой они были более успешными, чем кандидаты, выдвинутые от политических партий (см. табл. 3).

Таблица 3

***Участие независимых кандидатов в выборах в одномандатных округах
(данные 1995 и 1999 гг.)***

	1995	1999
Доля независимых кандидатов, участвовавших в выборах (%)	40,18	51,32
Количество независимых кандидатов-победителей	76	105
Средний процент голосов, поданных за независимых кандидатов-победителей	27,73	34,65
Средний процент голосов, поданных за партийных кандидатов-победителей	29,23	32,62

Как следует из таблиц, приведенные данные находятся в явном противоречии с теоретически ожидаемым эффектом воздействия смешанной избирательной системы на партийную фрагментацию. Свидетельствует ли это об «уникальности» российского случая и, соответственно, бесполезности объяснительных концепций, разработанных на материале стабильных демократий? Думаем, что нет. Выявленный парадокс побудил нас обратить внимание на влияние стратегического поведения акторов (действие «психологического эффекта» Дюверже). Обычно его воздействие на уровень партийной фрагментации определяется исследователями как «косвенное» (*indirect impact*) и в большинстве случаев рассматривается как остаточная категория¹.

Включение в поле исследования электоральных стратегий участников выборов (политических партий, кандидатов и избирателей) позволяет отойти от нормативных представлений об одностороннем воздействии избирательных моделей на партийную систему и рассматривать взаимосвязь между ними как опосредованную действиями и стратегиями акторов. Неоинституциональный подход дает возможность, в частности, переопределить само название применяемой в России смешанной «несвязанной» системы. Несмотря на то, что формально (то есть на уровне подсчета голосов и распределения мандатов) обе части российской избирательной системы не связаны друг с другом, на уровне стратегий политических партий и избирателей между этими частями прослеживается явная связь. Ее можно установить, сопоставив друг с другом результаты выборов по каждой из частей избирательной системы. Так, например, политические партии в России систематически получают больший процент голосов по партийным спискам в тех округах, в которых выдвигаются кандидаты от этих партий². Кроме того, в смешанных системах была обнаружена

¹ Taagepera R., Shugart M.S. Predicting the number of parties: a quantitative model of Duverger's mechanical effect // *Amer. polit. science rev.* — Baltimore, 1993. — Vol. 87, N 2. — P. 455–464.

² См. Голосов Г., Яргомская Н. Избирательная система и межпартийная конкуренция на думских выборах // *Первый электоральный цикл в России, 1993–1996 гг.* / Под ред. Гельмана В. и др. — М, 2000. — С. 152–176. Вместе с тем остается неясно, какая из частей является доминирующей в данной взаимосвязи: увеличивает ли выдвижение кандидата процент голосов, полученных партийным списком, или же наоборот.

зависимость между величиной партии и электоральным успехом по разным частям не только в России, но и в других странах, где применяется этот тип избирательных систем¹.

Изучение электоральных стратегий оказывается также релевантным для понимания логики действия каждой из частей избирательной системы в отдельности. В частности, это поможет найти ответ на вопрос, почему, вопреки воспроизводимому системой большинства высокому уровню диспропорциональности, эта часть избирательной системы оказалась на выборах в Государственную Думу более фрагментированной, чем пропорциональная часть. Обратимся к теориям, которые претендуют не только на объяснение логики действия системы относительного большинства, но и высказывают предположение относительно последствий действия данной избирательной системы.

Закон Дюверже и его ограничения

Закон Дюверже, в соответствии с которым «система простого большинства в одномандатных округах способствует возникновению двухпартийной системы»², и по сегодняшний день является отправной точкой при анализе эффектов системы относительного большинства. Как справедливо отмечает Б.Гэйнс, «закон Дюверже, несомненно, является наиболее знаменитым и наиболее часто цитируемым обобщением в сравнительной политологии. Он породил литературу о взаимоотношении между электоральными законами и партийными системами... и помог инициировать ряд работ о том, как лучше всего считать число релевантных партий, соревнующихся на выборах или

рот, партийный список способствует увеличению доли голосов, полученных кандидатом.

¹ См., например, о японской избирательной системе: Kohno M. Voter turnout and strategic ticket-splitting under Japan's new electoral rules // Asian survey. — Berkeley, 1997. — Vol. 37, N 5. — P. 429–440. Об избирательных системах стран Восточной Европы см.: Birch S. The effects of mixed electoral systems in Eastern Europe: Paper prepared for presentation at the 30th annual conference of the University association for contemporary European studies, Budapest 7–9 April 2000. — Budapest, 2000.

² Duverger M. Political parties: their organization and activity in the modern state. — L., 1964. — P. 217.

заседающих в legislatures»¹. В качестве механизма, приводящего данный закон в действие, Дюверже выделил сочетание *механического*² и *психологического*³ эффектов, которое благодаря своей объяснительной способности пользуется у исследователей не меньшей популярностью, чем сам закон Дюверже. В соответствии с моделью сочетания психологического и механического эффектов фрагментация партийной системы должна сокращаться вследствие диспропорционального характера избирательной формулы. Это происходит потому, что избиратели в большинстве своем голосуют инструментально и заинтересованы в том, чтобы их голоса не оказались «потраченными зря». В то же время кандидаты стремятся эффективно использовать свои ресурсы и не склонны вступать в предвыборную борьбу, если их шансы на победу невелики. Со временем победу в округах начинают одерживать только крупные партии, так как голосуя за них, избиратели не рискуют потерять свои голоса (психологический эффект).

Как показали дальнейшие исследования избирательных систем — и это нашло эмпирическое подтверждение на российском материале, — механический эффект присущ любой электоральной формуле, хотя сила его воздействия неодинакова для пропорциональных систем и систем большинства. Вместе с тем система относительного большинства, используемая в одномандатных округах, считается наиболее диспропорциональной. Дает ли это достаточные основания для того, чтобы утверждать, что система относительного большинства будет *всегда* производить двухпартийность, как это происходит, например, в Великобритании, США или Новой Зеландии? Оказывается, что нет.

¹ Gaines B. Duverger's law and the meanings of canadian exceptionalism // Comparative polit. studies. — Beverly Hills, 1999. — Vol. 32, N 7. — P. 835.

² *Механическим эффектом* Дюверже назвал тенденцию к снижению числа парламентских партий по сравнению с количеством электоральных партий. Эффект заключается в занижении представительства третьей (то есть наиболее слабой) партии, так как процент полученных ею мандатов оказывается ниже процента поданных за нее голосов. См. Дюверже М. Политические партии. — М., 2000. — С. 286.

³ *Психологический эффект* заключается в том, что из-за постоянной недопредставленности третьих партий, «избиратели быстро понимают, что их голоса будут попросту потеряны... отсюда естественная тенденция передавать их не самому худшему из соперников, с тем чтобы предотвратить успех менее желательного из кандидатов» Дюверже М. Указ. соч. — 2000. — С. 286.

В своей работе Дюверже сам указывал на возможные исключения, не подпадающие под действие закона, однако исчерпывающего объяснения причин их появления автор не представил¹. Первые попытки внести своего рода «поправки» к закону Дюверже были обусловлены существованием отклоняющегося случая Канады, ставшего впоследствии таким же «классическим», как и сам закон Дюверже. «Уникальность» канадского случая заключается в том, что несмотря на длительное использование системы относительного большинства в одномандатных округах, на общенациональном уровне в стране существуют три партии. Д.Рэ предложил объяснять особенности канадского случая спецификой географической концентрации базы поддержки третьей партии, которая позволяла ей выживать на общенациональном уровне². Впоследствии У.Райкер расширил анализ географической специфики и ввел в качестве объясняющей категории фактор федерализма: партии, которые имеют региональную базу поддержки, получают возможность участвовать в электоральном соревновании и на общенациональном уровне³.

Следовательно, можно предположить, что наличие сильной региональной поддержки партий будет препятствовать формированию биполярного формата партийной системы. Так, если тенденция к двухпартийности сохраняется на уровне конкретного округа, то совсем не обязательно, что она будет действовать и на национальном уровне⁴. Логика построения аргументации сводится авторами в основном к необходимости учета социальной основы партийной конкуренции, или, говоря словами Кима и Она⁵, «влияние электоральных правил нельзя правильно определить, если не учитывать структу-

¹ Duverger M. Op. Cit. — P. 223.

² Rae D. The political consequences of electoral laws. — New Haven, 1967.

³ Riker W. The two-party system and Duverger's law: an essay on the history of political science // Amer. polit. science rev. — Baltimore, 1982. — Vol. 76, N 3. — P. 753–766; цит. по: Taagepera R., Shugart M.S. Predicting the number of parties... — P. 462.

⁴ См., например: Wildavsky A. A Methodological critique of Duverger's political parties // J. of politics. — Gainesville, 1959. — Vol. 21, N 2. — P. 303–318; Kim J., Ohn M. A theory of minor-party persistence: election rules, social cleavage, and the number of political parties // Social forces. — Baltimore, 1992. — Vol. 70, N 3. — P. 575–599; Cox G. Making votes count: strategic coordination in the world's electoral systems. — Cambridge, 1997; Birch S. Majoritarian electoral systems and democratic transition // Essex papers in politics and government. — Wivenhoe Park, 1999. — N 138.

⁵ Kim J., Ohn M. Op. cit.. — P. 593.

ру социальных расколов». Вероятность того, что в стране сложится двухпартийная система, будет зависеть от того, какие социальные расколы лежат в основе электорального соревнования¹. Если они носят локальный характер и не являются значимыми для большинства округов, то, скорее всего, это приведет к достаточно большой фрагментации партийной системы. Для других исследователей канадский случай послужил, напротив, доказательством универсальности закона Дюверже². Эти авторы при подсчете релевантных партий перешли с общенационального уровня на уровень одномандатных округов, где они и обнаружили воспроизводство двухпартийной модели соревнования, хотя в разных регионах основными соперниками были разные партии.

Таким образом, несмотря на то, что на общенациональном уровне применение системы относительного большинства демонстрирует отдельные отклоняющиеся случаи, на уровне одномандатных округов стабильные демократии демонстрируют биполярную модель электорального соревнования³. Значимость региональной специфики, как переменной, влияющей на воспроизводство двухпартийности, привела к необходимости поиска механизма, который трансформирует двухпартийное соревнование на уровне отдельного округа в двухпартийное соревнование на общенациональном уровне. Закон Дюверже оставляет эту проблему за скобками⁴. Он указывает лишь на существование двух уровней соревнования, один из которых окружной, а другой — общенациональный, но не выявляет, какой из них имеет решающее значение для формирования двухпартийности. Случай Канады, таким образом, обнаруживает возможность несовпаде-

¹ См. также: Ordeshook P., Shvetsova O. Ethnic heterogeneity, district magnitude, and the number of parties // *Amer. j. of polit. science.* — Bloomington, 1994. — Vol. 38, N 1. — P. 100–123; Neto O., Cox G. Electoral institutions, cleavage structures, and the number of parties // *Amer. j. of polit. science.* — Bloomington, 1997. — Vol. 41, N 1. — P. 149–174.

² Palfrey T. A mathematical proof of Duverger's law // *Models of strategic choice in politics* / Ed. by Ordeshook P. — Ann Arbor, 1989. — P. 69–91; Taagepera R., Grofman B. Rethinking Duverger's law: predicting the effective number of parties in plurality and PR systems — parties minus issues equals one // *Europ. j. of polit. research.* — Amsterdam, 1985. — Vol. 13, N 4. — P. 341–352.

³ Chhibber P., Kollman K. Party aggregation and the number of parties in India and the United States // *Amer. polit. science rev.* — Baltimore, 1998. — Vol. 92, N 2. — P. 329–342.

⁴ Cox G. *Op. cit.*

ния этих уровней, что и является причиной того, что закон Дюверже в данном случае «не срабатывает».

К несовпадению общенационального и окружного уровней электоральной конкуренции могут приводить не только региональные особенности партийных систем. Гэйнс, выделив общенациональный и локальный уровни соревнования, провел между ними различия, исходя из предпочтений избирателей. Так, например, можно утверждать, что граждане ориентируются на *общенациональный* уровень партийной конкуренции, если они при голосовании принимают во внимание будущих партнеров по правительственной коалиции или баланс политических сил в парламенте (в случае президентской системы). Напротив, если они заинтересованы в победе кандидата вне зависимости от того, войдет ли его партия в правительство либо будет обладать большинством в парламенте, голосование избирателей оказывается ориентированным *локально*¹. Подобным же образом рассуждала К.Бон при анализе раздельного голосования в Германии, где также используется смешанная избирательная система. Как установила автор, систематическая победа крупных партий (ХДС/ХСС и СДПГ) в одномандатных округах зависит от их потенциала при формировании правительства, что имплицитно подразумевает национально ориентированный характер голосования по этой части избирательной системы².

Таким образом, важным фактором воздействия системы относительного большинства на уровень партийной фрагментации в той или иной стране оказываются стратегические ориентации избирателей, а точнее соотношение общенациональной и локальной направленности голосования. Как можно видеть, ключевым моментом, определяющим институциональную логику данной электоральной формулы, является учет избирателями парламентских перспектив той партии, за которую они голосуют (как это происходит, например, в Германии). В противном случае, если при голосовании избирателей доминирует локальная составляющая, предсказать эффект системы относительного большинства становится практически невозможным.

¹ Gaines B. Op. Cit. — P. 837–838.

² Bawn K. Voter responses to electoral complexity: ticket splitting, rational voters and representation in the Federal Republic of Germany // Brit. j. of polit.science. — L., 1999. — Vol. 29, N 3. — P. 488–505.

**Российские одномандатные округа:
биполярный или полицентрический формат соревнования?**

В отличие от канадского, российский случай представляет еще больший научный интерес для исследования ограничений закона Дюверже. В России формула относительного большинства, являющаяся частью российской избирательной системы, как показано выше, не воспроизводит двухпартийность не только на общенациональном уровне, но и на уровне одномандатных округов. Более того, ограничивающий эффект воздействия формулы относительного большинства на фрагментацию в одномандатных округах оказался даже слабее, чем воздействие пропорциональной части на партийную систему. Возникает вопрос: с чем связано подобное парадоксальное «бездействие» знаменитого закона? Какие факторы препятствуют сокращению фрагментации и почему одномандатные округа не воспроизводят биполярного формата?

Стратегическое поведение избирателей¹ — ключевая категория данной работы. В исследованиях избирательных систем оно традиционно связывается с тенденцией к уменьшению числа нерелевантных кандидатов и политических аутсайдеров. В новых демократиях, в которых происходит становление политических институтов, либо в устойчивых демократиях при институциональном реформировании большую роль в появлении стратегического голосования играет снижение неопределенности². Становление новых институтов во многом зависит от того, как политические акторы воспринимают создаваемые ими ограничения и возможности. На снижение неопределенности влияет и появление новых акторов, наделенных ресурсами и способных привлечь голоса избирателей³, прежде всего, на уровне одномандатных округов. Число этих акторов может варьироваться в зависимости от специфики электорального контекста. Согласно закону Дюверже, хотя в условиях *партийного* контекста электорального со-

¹ Здесь и далее стратегическое голосование («рациональное» или «инструментальное») понимается как выбор наименее худшего из предложенных избирателю вариантов.

² Cox G. Op. cit.

³ Шевченко Ю. Между экспрессией и рациональностью: об изучении электорального поведения в России // Полис. — М, 1998. — N 1. — С. 130–138.

ревнования в стабильных демократиях число значимых акторов на уровне отдельного округа и может превышать два, но в целом имеет место тенденция к формированию дуализма конкуренции. Этот факт нашел свое эмпирическое подтверждение в стабильных демократиях, использующих систему относительного большинства¹.

Однако, если речь идет о *внепартийном* контексте электорального соревнования в ситуации становления институтов, то возникает вероятность появления большого числа кандидатов, обладающих ресурсами, полученными из разных, в том числе и внепартийных источников. Такими кандидатами на выборах в Государственную Думу являлись, главным образом, представители местной (и не только) власти, опиравшиеся не столько на партийную поддержку, сколько на иные (финансовые, административные, персональные и прочие) ресурсы. Это нарушает существующую в стабильных демократиях с развитыми партийными системами тенденцию к дуализму: одновременно возникает несколько полюсов притяжения голосов электората. Следовательно, в данном контексте фрагментация в одномандатных округах может воспроизводиться и вопреки сильному механическому эффекту в силу отсутствия единой основы для электорального выбора. В стабильных демократиях такую основу создает межпартийная конкуренция. Но если для выбора избирателей определяющим фактором является не партийная принадлежность кандидата, а его специфические характеристики, связанные со значимостью на локальном уровне (в округе), то влияние механического эффекта нивелируется. Следовательно, появление большого числа кандидатов, которые являются электорально привлекательными для определенной части избирателей в силу того, что они обладают специфическими значимыми для данного локального контекста ресурсами, также может служить основой для воспроизводства фрагментации.

Для того чтобы проверить, воспроизводится ли в российском контексте тенденция к снижению фрагментации, мы обратились к электоральному соревнованию в одномандатных округах на думских выборах 1999 г. Наше предположение состояло в том, что отсутствие тенденций к сокращению фрагментации электорального соревнования объясняется рядом факторов, которые не учитываются в рамках

¹ Chhibber P., Kollman K. Op. cit.

теоретических подходов, причем некоторые из них являются специфическими для российских думских выборов.

Нужно отметить, что появлению двухпартийности естественным образом препятствует молодой возраст российской демократии. Сам Дюверже отмечал, что для того, чтобы в стране сложилась двухпартийная система, должно пройти достаточно времени, чтобы избиратели смогли «почувствовать» механический и психологический эффект избирательной формулы и «научиться» голосовать стратегически. Очевидно, что шести лет, в течение которых парламентские выборы в России проводились трижды (1993–1999), для этого явно недостаточно. Тем не менее, на наш взгляд, за это время вполне могли возникнуть тенденции к сокращению количества конкурирующих партий и кандидатов, что является предпосылкой становления двухпартийности. Поэтому именно наличие тенденции к уменьшению значимых акторов на электоральном поле одномандатных округов мы и использовали в качестве зависимой переменной анализа.

Факторы фрагментации в одномандатных округах: гипотезы и переменные

Несмотря на то, что тенденция к сокращению эффективного числа партий — важная категория анализа электоральной политики, в исследовательской литературе было уделено незаслуженно мало внимания изучению факторов, влияющих на воспроизводство фрагментации или препятствующих этому. Отсутствие научной и методологической «традиции» подобного рода исследований оправдывает выбор независимых переменных, который был сделан нами как на основе ранее предложенных теоретических обоснований, так и исходя из специфики российских парламентских выборов. Подчеркнем, что предложенный нами перечень факторов анализа является далеко не исчерпывающим. Дальнейшая работа в данном направлении, возможно, позволит дать и другие объяснения стратегического поведения российского избирателя.

Для аналитических целей мы распределили переменные на три группы, в зависимости от уровня их воздействия: общенациональные, региональные и локальные (уровень одномандатных округов). Выбор переменных первой группы основан на ранее сделанных теоретических предположениях о значимости влияния общенациональной

ориентации избирателей на структурирование электоральных стратегий при голосовании по системе относительного большинства. Факторы регионального уровня позволяют учесть влияние регионального политического контекста на характер электорального соревнования в одномандатном округе. Наконец, переменные локального уровня ответственны за влияние характеристик самих кандидатов на выбор избирателя. На основе регрессионного анализа мы попытались выявить, какие из этих факторов (и в более широком контексте — какие из уровней воздействия) более значимы для формирования биполярной модели электорального соревнования или, в исследуемом нами случае, для отсутствия тенденции к становлению такой модели.

Первым фактором общенационального уровня, который, как предполагается, должен оказывать влияние на стратегический выбор избирателя, является смешанная избирательная система. Смешанный характер избирательной системы создает не только две арены электорального соревнования, но и стимулирует избирателей к тому, чтобы разделять локальный и общенациональный уровни ориентации. Интересно, что пропорциональная часть избирательной системы по отношению к соревнованию в одномандатных округах с этой точки зрения выполняет функцию, аналогичную той, которую выполняет общенациональный уровень выборов по отношению к локальному в рамках системы относительного большинства. Пропорциональная система формирует у избирателей стратегические общенациональные ориентации, так как дает представление о возможной структуре законодательного органа в целом. Тот факт, что доля голосов, отданных за крупные политические партии на думских выборах 1999 г., существенно возросла по сравнению выборами 1995 г., подтверждает этот тезис. В то же время одномандатные округа являются местом концентрации локальных предпочтений электората. Успех независимых кандидатов, а также достаточно большая доля голосов за кандидатов от малых партий свидетельствуют о значимости локального контекста в формировании стратегий избирателей.

В отличие от авторов, изучавших влияние локальных ориентаций избирателей на формат общенациональной конкуренции (например, как при анализе канадской избирательной системы, где этот фактор объясняет неспособность сформировать бипартизм), в данной работе мы предположили обратную взаимосвязь. При анализе стра-

тегического голосования на уровне округа для нас важно было выяснить, оказывает ли национальный уровень ориентаций избирателей воздействие на выбор ими кандидата в одномандатном округе. Вместе с тем, данное влияние можно выявить, если рассматривать партийный контекст электорального соревнования. Для того чтобы количественно представить влияние пропорциональной части избирательной системы на систему относительного большинства, мы выбрали две независимые переменные. Первая переменная отражает влияние общенациональных ориентаций избирателей на голосование в одномандатном округе. Интенсивность данного влияния можно проверить с помощью показателя разрыва голосов (VOTEGAP), который использует в своей работе К.Бон¹. Он применяется для смешанных систем, в которых избирателю предоставляется два голоса. Разрыв (gap) — это разница в процентах голосов, полученных в одномандатном округе партийным списком и кандидатом этой же партии. Разрыв голосов оказывается положительным в случае, если партийный список выступает успешнее, чем партийный кандидат в округе и, соответственно, отрицательным, если кандидат получает больше голосов, чем список его (ее) партии. Если разрыв положительный, то можно говорить о том, что партия оказывалась более значимой для избирателей, чем партийный кандидат. Если же разрыв отрицательный, то, значит, кандидат был более успешным, чем партия. С помощью этого показателя можно оценить электоральную значимость каждой из частей избирательной системы, а также эффект их «смешивания». Разрыв голосов демонстрирует наличие одновременного или раздельного голосования и за партийный список и за партийного кандидата в округе, и масштабы этого эффекта. Правда, этот показатель позволяет оценить масштабы раздельного голосования и эффекты «смешивания» частей избирательной системы лишь применительно к партийным кандидатам. Таким образом, независимые кандидаты оказываются вне рамок заданной переменной.

Как показал проведенный анализ раздельного голосования на выборах 1999 г.², положительный разрыв голосов был получен в основном крупными партиями. Для небольших партий разрыв в сред-

¹ Bawn K. Op. cit.

² Яргомская Н. Эффекты избирательной системы и электоральные стратегии на думских выборах // Второй электоральный цикл в России, 1999–2000 гг. / Под ред. Голосова Г. и др. — М, 2002. — С. 65–84.

нем был отрицательным¹. Однако этот вывод справедлив не для всех избирательных объединений, прошедших в Думу. Так, у «Яблока» средний показатель разрыва голосов оказался меньше нуля (хотя и незначительно). Кандидаты ОВР во многих округах также получали больше голосов, чем список самой партии. На основании этих выводов мы сделали предположение о том, что голосование за партии с узнаваемым лейблом может оказывать влияние на выбор избирателями электоральной стратегии в одномандатном округе. Голосование за кандидатов от этих партий носит стратегический характер и имеет в своей основе общенациональную ориентацию. Чтобы проверить данное утверждение, мы взяли долю кандидатов от крупных партий, выдвинутых в каждом округе, причем выбрали только тех кандидатов, для которых разрыв голосов (VOTEGAP) между процентом голосов за партию и за кандидата был положительным. Это позволило нам учесть влияние пропорциональной части избирательной системы и исключить из анализа тех независимых кандидатов, которые в силу своих внепартийных (например, финансовых или персональных) ресурсов могли воздействовать на голосование за партийные списки в тех или иных округах. Наше предположение состояло в том, что, если избиратели голосуют по части относительного большинства с учетом общенационального контекста, то это будет способствовать снижению фрагментации в одномандатных округах за счет участия в электоральной конкуренции кандидатов от крупных партий. Если же голосование избирателей за кандидатов в одномандатных округах ориентировано на локальный контекст, то этот показатель окажется незначимым для сокращения фрагментации.

Следующая переменная «общенационального» уровня, включенная в анализ, касается электоральной активности малых партий в округах. В соответствии с полученными ранее результатами², малые партии чаще всего оказывались менее успешными в списочной части (то есть получали меньший процент голосов), нежели выдвинутые ими кандидаты по части большинства. Как правило, этот результат был обусловлен тем, что такие кандидаты обладали внепартийными финансовыми или иными ресурсами, полагаясь на которые, они и

¹ Под крупными партиями в данном случае понимались те избирательные объединения, которые преодолели на выборах 5%-й барьер.

² Яргомская Н. Указ. соч.

обеспечивали себе победу. Партийный лейбл для таких кандидатов играл лишь вспомогательную роль. Активность малых партий в регионе, таким образом, могла вполне привести к уменьшению фрагментации в округе, так как участие в электоральном соревновании подобных сильных кандидатов естественным образом снижает неопределенность исхода выборов. Данную переменную мы операционализировали через долю кандидатов от малых партий, которые принимали участие в выборах в данном одномандатном округе (SHARE_SMALL).

Для проверки значимости факторов регионального уровня мы сконструировали переменную, демонстрирующую влияние главы исполнительной власти региона (далее — губернатора) на исход выборов в соответствующих одномандатных округах. Мы выделили губернаторов в качестве наиболее значимых акторов регионального уровня, обладающих ресурсами и способных, следовательно, повлиять на снижение электоральной неопределенности. Некоторые авторы отмечают случаи возникновения в регионах так называемых «политических машин»¹, используемых на региональных выборах для мобилизации поддержки в пользу действующего губернатора. Наше предположение состояло в том, что подобные механизмы (эффективность которых во многом зависит от политической силы и популярности губернаторов) могли быть использованы и в национальных электоральных кампаниях, причем воздействие этого фактора на уровне округа, по нашему мнению, должно сокращать фрагментацию.

Парламентские выборы 1999 г. свидетельствовали о беспрецедентной активности губернаторов в партийном строительстве. Стремясь продемонстрировать свою лояльность будущему президенту, главы администраций записывались в создаваемые «партии власти», стараясь обеспечить в своем регионе победу этим партиям и выдвинутым ими кандидатам. Мы вряд ли можем с уверенностью говорить о наличии сильной взаимосвязи между региональным административным ресурсом и успехом федеральных партийных списков или кандидатов от «партий власти». Но тот факт, что в некоторых регионах «партии власти» получали более 70% голосов избирателей по пропор-

¹ Brie M. The political regime of Moscow — creation of a new urban machine? // Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung. — B., 1997; Макаренко Б. Губернаторские «партии власти» как новый общественный феномен // Полития. — М., 1998. — N 1. — С. 50–58.

циональной части избирательной системы, дало нам основания к тому, чтобы учесть принадлежность губернатора к «партии власти» при конструировании переменной. В количественном выражении мы представили эту переменную через долю голосов, полученных губернатором в первом туре голосования на ближайших выборах, предшествовавших 1999 г., умноженную на бинарную переменную: принадлежность губернатора к одной из «партий власти» (Единство или ОВР). Если губернатор пользовался значимой электоральной поддержкой в регионе и в ходе думской избирательной кампании лично присоединился к одной из «партий власти», то неопределенность электорального соревнования на уровне одномандатных округов, а следовательно, и фрагментация, должны были снизиться. Переменная GUB-POWER сохраняет постоянное значение для округов одного региона.

Факторы локального уровня, влияющие на сокращение или воспроизводство фрагментации, мы выразили через ряд переменных. Прежде всего, это участие в выборах 1999 г. в одномандатном округе кандидата-инкубента, победившего в этом же округе в 1995 г. В исследовательской литературе инкубент рассматривается в качестве актора, который обладает значительными ресурсами, и, следовательно, может выступать как один из полюсов электорального соревнования¹, что также снижает неопределенность выбора избирателя. В работе эта переменная (INCUM) принимает значение 1, если в одномандатном округе баллотировался депутат, который на прошлых выборах был избран в том же округе, и 0 — если такового в округе не было. Кроме того, наличие или отсутствие значимой и/или располагающей большими ресурсами региональной фигуры в округе на федеральных выборах также способствует появлению новых полюсов притяжения голосов избирателей. По аналогии с INCUM, переменная REGADM принимает значение 1, если в одномандатном округе баллотировался кандидат — представитель региональной администрации, и 0, если таких кандидатов в округе не было.

Следующие переменные относятся к характеристикам кандидатов — победителей в одномандатных округах. Мы предположили, что как партийные, так и персональные ресурсы фаворита предвы-

¹ Шевченко Ю. Указ. соч.; о смешанной избирательной системе см.: Bawn K. Op. cit.

борной гонки могут оказывать существенное влияние на структурирование электоральных предпочтений избирателей. В качестве одной из таких характеристик мы выделили принадлежность победителя к крупной партии. Был сконструирован ряд бинарных переменных для каждого победителя, которые принимают значение 1 в зависимости от того, принадлежит ли победитель к «Единству», ОВР, КПРФ, «Яблоку» и СПС¹ (соответственно, переменные W–ED, W–OVR, W–KPRF, W–YABL, W–SPS). Это позволило нам еще раз проверить значимость партийной составляющей для локального контекста выборов и определить, является ли принадлежность победителя к крупной партии фактором, снижающим уровень фрагментации. В качестве отдельной переменной (W–NEZ) были выделены победители – независимые кандидаты. В большинстве случаев, победа независимого кандидата была обусловлена его значительными финансовыми или персональными (имидж, популярность) ресурсами. Это дает основания утверждать, что независимый фаворит также мог способствовать снижению неопределенности соревнования и уменьшению числа релевантных кандидатов в округе.

В свой анализ мы включили 224 одномандатных округа (все округа за исключением Чечни), несмотря на то, что в восьми из них выборы были признаны несостоявшимися из-за того, что голосов, поданных против всех кандидатов, оказалось больше, чем голосов за победителя. В данном случае для нас были важны стратегии избирателей, а не факт неизбрания депутата от данного одномандатного округа в силу несоответствия итогов голосования официальным требованиям при определении победителя.

Результаты анализа

Исследование влияния рассмотренных переменных на стратегическое поведение избирателей было проведено с помощью регрессионного анализа, результаты которого представлены в табл. 4.

¹ «Блок Жириновского» не был включен в анализ, так как ни один из его кандидатов не победил в одномандатных округах.

Таблица 4

Регрессионная статистика

Независимые переменные	Бета-коэффициент	Стандартная ошибка
VOTEGAP	-0,006	0,169
SHARE-SMALL	-0,135**	1,209
GUB-POWER	0,011	0,006
INCUM	-0,187**	0,336
REGADM	0,166**	0,363
W-ED	-0,164**	0,981
W-OVR	-0,242**	0,740
W-KPRF	0,080	0,683
W-YABL	-0,113	1,043
W-SPS	-0,053	1,221
W-NEZ	-0,224*	0,635

Количество наблюдений – 224.

** $p < 0,05$; * $p < 0,1$

Как явствует из таблицы, из выделенных нами одиннадцати возможных факторов значимыми оказались шесть. Данные регрессионного анализа не подтвердили предположение о наличии общенациональной ориентации голосования в одномандатных округах. Переменная VOTEGAP оказалась статистически незначимой с точки зрения снижения фрагментации при голосовании по системе относительного большинства. Голосуя за кандидата от какой-либо партии в одномандатном округе, избиратели рассматривают его не как участника будущей парламентской коалиции, а видят в нем актора локального значения, а партийная принадлежность в таком контексте выступает как вспомогательный ресурс. Следовательно, хотя партийный лейбл на уровне округа и может выступать значимым ресурсом, ограничивающим «нерациональный» разброс голосов избирателей, но

национальная партийная система не рассматривается избирателями как значимый институт, способный оказывать серьезное воздействие на исход выборов в одномандатном округе.

Как можно видеть, проведенный регрессионный анализ в очередной раз продемонстрировал разнообразие организационного ландшафта партийной системы в России, а также возможности использования партиями различных видов ресурсов в электоральной борьбе в одномандатных округах. Принадлежность кандидатов-победителей к таким крупным партиям, как КПРФ, СПС и «Яблоко», оказалась незначимой для сокращения фрагментации, что также свидетельствует в пользу локальной ориентации избирателей при голосовании, а также о принципиальном различии оснований для голосования по пропорциональной системе и по системе относительного большинства. Если сила кандидатов от «Яблока» и СПС на уровне округов зависела в основном от персональных ресурсов этих кандидатов из-за слабости регионально развитых баз поддержки данных партий, то результат КПРФ оказался неожиданным. Как правило, КПРФ приводится в качестве примера партии, чье организационное развитие на региональном и местном уровне наиболее успешно (по сравнению с другими российскими партиями). Однако даже кандидатам-победителям от данной партии в одномандатных округах одного лишь партийного ресурса оказывается недостаточно для того, чтобы стать центром притяжения электората и тем самым значительно снизить фрагментацию в округе.

Особый случай представляют собой «партии власти» — ОВР и «Единство». Победа кандидатов от этих партий повлияла на концентрацию голосов и снижение числа релевантных кандидатов в округах. Известно, что основные ресурсы «партий власти», в отличие от КПРФ, основывались не на организационном потенциале местных отделений партий или идеологической привлекательности их программ, а на привлечении административных ресурсов. Поэтому в противоположность КПРФ успех кандидатов от данных партий в одномандатных округах можно объяснить не партийной принадлежностью кандидатов, а скорее использованием внепартийных (финансовых и административных) ресурсов.

На первый взгляд может показаться парадоксальным, что принадлежность кандидатов к партиям, преодолевшим пятипроцентный барьер, таким, как СПС и «Яблоко», оказалась менее значима для

избирателей, чем принадлежность к малым партиям, а также выдвижение кандидатов как независимых. Как показал наш анализ, уровень фрагментации имел тенденцию к снижению в тех округах, в которых побеждали независимые кандидаты, а также где выдвигались кандидаты от малых партий. Это означает, что в отличие от кандидатов от крупных партий (КПРФ, СПС, «Яблоко») независимые кандидаты обладали ресурсами, более значимыми на уровне округов для того, чтобы притягивать голоса избирателей и тем самым снижать фрагментацию. Что касается кандидатов от малых партий, то их влияние на снижение фрагментации вполне соответствует нашим предположениям. Как на выборах 1995 г., так и в 1999 г. в одномандатных округах повторилась ситуация, когда кандидатами от этих партий зачастую выступали сами их лидеры, обладающие значительными персональными ресурсами для привлечения голосов избирателей. В 1999 г. одержать победу таким кандидатам оказалось сложнее, чем в 1995 г., тем не менее на уровне одномандатных округов многие из них по-прежнему оставались электорально привлекательными, оказываясь полюсами притяжения голосов и сокращая фрагментацию.

Другими значимыми акторами электорального соревнования, как мы и предполагали, стали представители региональной администрации. Однако, в отличие от кандидатов-победителей от «Единства» и ОВР, в локальном контексте их ресурсы и способность притягивать голоса избирателей повлекли за собой не снижение, а напротив, увеличение фрагментации в округе. Подобный парадокс дает основания предположить, что на формирование негативных «поправок» к закону Дюверже могла повлиять конкуренция в одномандатных округах между различными лидерами регионального уровня и сильными федеральными кандидатами.

Фактор электоральной популярности губернатора в сочетании с его принадлежностью к одной из «партий власти» — Единство или ОВР — оказался незначимым по своему воздействию на сокращение числа кандидатов, пользующихся поддержкой избирателей. Это дает основания утверждать, что несмотря на значительные административные ресурсы, доступные губернаторам, взаимосвязь между региональной и национальной составляющими формирования стратегических предпочтений избирателей пока остается слабой.

Последней переменной, включенной в нашу регрессионную модель и оказавшейся значимой, стал фактор инкубентства. Его влияние на стратегическое голосование в одномандатных округах достаточно хорошо изучено¹. Как подтвердил наш анализ, инкубент является значимым актором для инструментального выбора избирателя, что обусловлено наличием финансовых, организационных и персональных ресурсов (известность в округе).

В целом регрессионный анализ позволяет сделать несколько основных выводов относительно характера голосования по системе относительного большинства на думских выборах. Во-первых, голосование по этой части смешанной избирательной системы является ориентированным локально, а не общенационально. Во-вторых, политические партии не играют значимой роли в сокращении фрагментации на локальном уровне. В-третьих, внепартийный контекст электорального соревнования создает несколько полюсов притяжения электората, что препятствует воспроизводству дуализма, который наблюдается в стабильных демократиях. В-четвертых, влияние механического эффекта, который производит избирательная система, без влияния общенационального контекста (ориентация избирателей на формирование большинства в парламенте) или структурированного локального контекста (два полюса притяжения голосов избирателей на уровне округа), оказывается опосредованным различными факторами в округах и в определенных случаях нивелируется.

Фрагментацию на уровне одномандатных округов снижают региональные и локальные ресурсы, используемые «партиями власти», а не механический эффект избирательной системы как таковой. Помимо кандидатов, использующих локальные ресурсы «партий власти», значимыми в снижении фрагментации оказываются местные лидеры, которые выступают как независимые кандидаты или как кандидаты от малых партий. Данные выводы подтверждают значимость уровня институционализации партийной системы для воспроизводства эффектов диспропорциональности системы большинства. Вне партийного контекста и в ситуации ослабления его значимости в силу смешанного характера избирательной системы закон Дюверже

¹ См.: Голосов Г. Политические партии и независимые кандидаты на думских выборах // Второй электоральный цикл в России, 1999–2000 гг. / Под ред. Гельмана В., и др. – М., 2002. – С. 43–64.

перестает работать, а стратегии избирателей выстраиваются, исходя из особенностей электоральной ситуации на уровне каждого конкретного округа. Те акторы, ресурсы которых оказываются наиболее значимыми на локальном уровне, способны сплотить вокруг себя электорат и таким образом снизить фрагментацию. Однако выяснение характера используемых ими при этом ресурсов, а также характеристики релевантных акторов на локальном уровне требуют, на наш взгляд, дальнейшего исследования.